

Информация для цитирования:

Антюхова Е. А. Инновационная политика в деятельности ОЭСР: историческая реконструкция на неограмшианских основаниях / Е. А. Антюхова, Д. А. Талагаева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 265—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-265-287.

Antuykhova, E. A., Talagaeva, D. A. (2023). Innovation Policy in OECD Activities: A Historical Reconstruction on Neo-Gramscian Foundations. *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 265-287. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-265-287. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-265-287

Инновационная политика в деятельности ОЭСР: историческая реконструкция на неограмшианских основаниях

Антюхова Екатерина Андреевна

orcid.org/0000-0003-0860-4792

ResearcherID: I-4189-2017

доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры мировых
политических процессов
e.antuykhova@gmail.com

Талагаева Дарья Александровна *

orcid.org/0000-0001-7959-0741

кандидат политических наук, доцент
кафедры английского языка № 6,
* *корреспондирующий автор*
d.talagaeva@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-10093

Innovation Policy in OECD Activities: A Historical Reconstruction on Neo-Gramscian Foundations

Ekaterina A. Antuykhova

orcid.org/0000-0003-0860-4792

ResearcherID: I-4189-2017

Doctor of Political Sciences,
Associate Professor, Professor, Department
of World Political Processes
e.antuykhova@gmail.com

Daria A. Talagaeva *

orcid.org/0000-0001-7959-0741

PhD in Political Sciences, Associate
Professor, Department of English No. 6,
* *Corresponding author*
d.talagaeva@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-10093

© Антюхова Е. А., Талагаева Д. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен исторический анализ формирования и развития понятия «инновации» в обороте Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Авторы опираются на воззрения А. Грамши, полагавшего, что, вопреки исходным положениям исторического материализма, общественные процессы не возникают как прямая реализация интересов господствующего класса, а отражают компромиссы, достигнутые между ним и другими группами в обществе. Соответственно, взгляд на разработку представлений об инновациях с этой точки зрения демонстрирует, что этот процесс работает как отражение совпадающих интересов научного сообщества, финансового капитала и электронной отрасли, образующих «исторический блок», который обладает устойчивым положением в западном обществе. Принятие в качестве исследовательского предмета документов ОЭСР, которая выступает влиятельным центром разработки политических решений, обладающим характерными чертами одновременно политической и научной организации, дает возможность различить в этих документах следы процесса выстраивания исторического блока и его идейного оформления. Прослеживается предыстория возникновения данного блока, формирование компромиссов, связывающих его участников, и построение инновационной политики в зависимости от достигнутых компромиссов.

Ключевые слова:

Организация экономического сотрудничества и развития; международная политическая экономия; научно-техническая политика; инновационная политика; Руководство Осло.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article offers a historical analysis of the formation and development of the concept of “innovation” in the discourse of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). The theoretical and methodological foundation of the analysis is based on contemporary international political economy, which posits the necessity of considering international institutions as expressions of certain group interests. A characteristic feature of this approach is its reliance on the views of A. Gramsci, who argued that contrary to the original tenets of historical materialism, social processes do not arise as a direct realization of the interests of the ruling class but reflect compromises reached between it and other groups in society. Accordingly, examining the development of ideas about innovation from this perspective demonstrates that this process operates as a reflection of the converging interests of the scientific community, financial capital, and the electronics industry, forming a “historic bloc” that holds a stable position in Western society. Taking OECD documents as the subject of research, which acts as an influential center for policy development with characteristic features of both a political and scientific organization, allows for discerning traces of the historical bloc’s construction and its ideological shaping within these documents. The article traces the prehistory of the emergence of this bloc, the formation of compromises that bind its participants, and the construction of innovation policy as a way to express interests that have come to the forefront as a result of these compromises.

Key words:

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD); International Political Economy; Science and Technology Policy; Innovation Policy; Oslo Manual.

Инновационная политика в деятельности ОЭСР: историческая реконструкция на неограмшианских основаниях

© Антюхова Е. А., Талагаева Д. А., 2023

1. Введение = Introduction

Хотя Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) относится к кругу наиболее влиятельных международных институтов, ее характерная черта — сильно расплывчатый профиль. ОЭСР не попадает в ряд международных организаций, созданных для осуществления определенной функции, как, например, институты ООН, занимающиеся, соответственно, продовольствием, здравоохранением, атомной энергетикой или иной понятно очерченной областью. В контрасте с ними даже само название ОЭСР как будто специально расширяет и без того емкое понятие «экономическое сотрудничество» добавлением совсем уж абстрактного «развития». Не отличаются четкостью и полномочия организации: основная часть работы ОЭСР проходит в формах, ассоциирующихся скорее с научной, чем с политической деятельностью — «рецензирование», «круглые столы» и т. п. В принципе, ОЭСР часто и позиционируется как исследовательский экспертный центр, но этому образу, в свою очередь, противоречат закрепленные за ней полномочия принимать обязательные для стран-участниц решения и вполне реальное влияние, которым обладает организация.

Но в этом сочетании одновременно заключается ключевое преимущество ОЭСР: совмещая, с одной стороны, предельно аккуратно используемые полномочия, а с другой — исследовательскую работу, в которой всегда учитывается, что ее результаты будут оформлены в политические документы, организация пользуется положением одного из самых авторитетных экспертных центров в мире, который представляет пример того, как реально может осуществляться «научная власть» и как интересы научного сообщества могут приводиться в консонанс с интересами политических групп и таким образом реализовываться. Конечно же, это не беспроблемный процесс, и расплывчатость статуса ОЭСР — одно из следствий этой модели.

С наибольшей отчетливостью интересы научного сообщества и политических групп переплетаются в поле разрабатываемой в организации «инновационной политики». Можно заметить, что последние десятилетия

термин *инновации* имел в политическом обороте почти исключительно положительное звучание: с ним связывался некий идеальный вариант экономического роста, который можно обеспечить за счет «креативности» и «человеческого капитала», избегая вредных следствий, ассоциируемых с промышленным развитием, — загрязнения, эксплуатации, общественных антагонизмов и др. И при том, что этот образ явно фокусировался лишь на одной стороне экономики, которая не может существовать сама по себе, без природных ископаемых, конвейерного производства и пр., в публичном обороте он фактически не встречал критики ни со стороны политиков, ни со стороны ученых. И очевидно, что, как любой политический конструкт, «инновации» используются в интересах одних групп и в ущерб другим. В том же научном сообществе далеко не все приветствовали подразумеваемое политикой поощрения инноваций продвижение модели «предпринимательских» университетов и переход образования из категории социального блага в категорию «образовательных услуг».

Учитывая же, что основные модели инновационной политики, в дальнейшем нашедшие применение в широком круге стран, оформились именно в ОЭСР, анализ разработок этой организации с учетом ее статуса одновременно и как научного, и как политического центра может продемонстрировать, какие именно интересы, продвигаемые разными участниками процесса, стоят за инновационной политикой.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Среди исторических работ по деятельности ОЭСР представлен ряд фундаментальных исследований по истории разработки научно-технической политики в организации. Безусловным лидером данного направления исследований выступал Б. Годин [Godin, 2005], однако нужно отметить и таких авторов, как Л. Хенрикес и Ф. Ларедо [Henriques et al., 2013], Т. Портер и М. Уэбб [Porter et al., 2008]. В свою очередь, история инновационной политики, ставшей заметной частью разработок организации во второй половине 1980-х годов, освещена в исторической литературе менее детально, хотя ее также затрагивали в ряде своих публикаций Годин [Godin, 2009a; 2009b] и другие специалисты, сконцентрированные на историческом анализе, в том числе П. Саваж и Л. Ачеро [Savaget et al., 2017], Р. Прадхан и др. [Pradhan et. al., 2017]. Упомянутые работы отличает высокий уровень детализации реконструируемых процессов и тщательность в обращении с источниками, однако они мало затрагивают проблему политических и экономических интересов, направляющих работу ОЭСР. В целом, хотя и с некоторыми значимыми исключениями [The OECD and Transnational ..., 2008; Mechanisms of OECD ..., 2010; Schmelzer, 2017], это является характерной чертой всего

корпуса публикаций по истории организации, в которых гораздо больше внимания уделяется технической стороне ее работы, чем вопросу о том, выразителем каких политических и экономических интересов она выступает.

Картина и ОЭСР в целом, и разрабатываемой ей инновационной политики приобретает резкость, если смотреть на них через призму международной политической экономии как дисциплины, исследующей переплетение политических, экономических и иных интересов в международном поле [The OECD and the International ..., 2017; Афонцев, 2010]. Наиболее заметной на сегодняшний день линией в рамках этого направления выступает неограмшианский анализ, исходно ассоциирующийся с «британской школой» [Сох, 2009]. Его преимуществом, привлекающим к нему все больше исследователей, является возможность использовать сеть понятий, разработанных марксистом Антонио Грамши для описания переплетения различных линий влияния — политических, экономических, культурных [Грамши, 1991] — в формировании структуры взаимодействий в международном поле. В основе подхода Грамши лежит тезис о том, что, вопреки исходным положениям исторического материализма, власть не может принадлежать одному классу, контролирующему наиболее эффективные в данную эпоху средства производства, и для ее удержания необходим исторический блок, который создается на основе компромиссов с другими социальными группами. Система компромиссов отражается в идеологии, продвигаемой данным историческим блоком, и важный признак его устойчивости — совпадение идеологии со здравым смыслом — представлениями, воспринимаемыми в данную эпоху как самоочевидные. Другой важный момент заключается в том, что, следуя марксистской логике, неограмшианский подход принимает, что класс — это международное образование, но одновременно акцентирует, что исторический блок характеризуется двумя измерениями: отношениями причастных к власти групп внутри определенного государства, и отношениями внутри исторического блока, как он выступает в международном поле. Открывающаяся в результате перспектива позволяет, таким образом, преодолеть односторонность рассмотрения международных отношений как исключительно межгосударственных или, что было свойственно историческому материализму, исключительно классовых, когда государства изображаются как орудия, подчиненные правящему классу.

В рассмотрении ОЭСР как элемента структуры международных отношений требуется учитывать историческую динамику этих отношений, которая прямо сказывалась на статусе и функциях организации. Дж. Клифтон и Д. Диаз-Фуентес соотносят этапы развития ОЭСР с основными стадиями развития международного политэкономического поля послевоенной эпохи в целом: первая стадия с 1945 по 1973 годы, характеризующаяся высоки-

ми темпами экономического роста в странах, которые с 1948 года стали участницами Организации по европейскому экономическому сотрудничеству (ОЕЭС), а с 1961 года — сменившей ее ОЭСР, вторая — с 1973 по 1989 годы, определяемая замедлением роста на фоне превосходящих темпов «третьего мира», и третья с 1990 года по настоящее время — период «перераспределения богатства», который характеризуется увеличением доли в мировой экономике стран, не входящих в ОЭСР [Clifton et al, 2011]. Если принять в качестве главной тенденции периода, начавшегося в 1990 году, именно перераспределение, то последнее десятилетие вполне может рассматриваться как его составная часть. Тем не менее внутри этого периода значимым рубежом выступает 2008 год: разразившийся в этот год кризис очевидно продемонстрировал, что сложившаяся модель финансового капитализма исчерпала возможности роста, что интенсифицировало поиск альтернативных проектов развития.

Исходно ОЭСР преемствовала ОЕЭС, созданной для поддержки программы американской помощи послевоенному восстановлению европейских стран, известной как план Маршалла. Восстановление шло быстро, и план Маршалла был свернут уже в 1952 году, организацию же было решено преобразовать в орган координации экономической политики атлантического сообщества. Таким образом, учрежденная в 1961 году ОЭСР задумывалась буквально как «экономическая НАТО» [Carroll et al., 2011, p. 110]. И главной задачей организации становится обеспечение высоких темпов экономического роста, который воспринимался как ключевое поле конкуренции с социалистическим блоком.

В качестве рубежной даты, как правило, принимается 1973 — год кризиса Бреттон-Вудской финансовой системы, вследствие которого США отказываются от золотого обеспечения доллара. С этого момента традиционно ведется отсчет проблемному периоду для стран ОЭСР, низшей точкой которого стал нефтяной кризис середины 1970-х годов. Политическим ответом на кризис становится переход к политике правого толка, осуществленный в ключевых странах Запада Великобритании и США соответственно Маргарет Тэтчер и Рональдом Рейганом. Экономическое содержание этого перехода заключалось в смене кейнсианской экономической программы на неолиберальную. Для ОЭСР, исходно выстроенной на базе кейнсианских воззрений, этот период становится проблемным.

Победа Запада в холодной войне, открывшая эпоху, которая ассоциируется с глобализацией, не улучшила положение самой ОЭСР: целесообразность сохранения «экономической НАТО» в условиях завершения противостояния капиталистического и социалистического блоков была далеко не очевидной. Ответом ОЭСР было позиционирование себя в качестве объ-

единения передовых стран, которое формулирует стандарты, необходимые для присоединения к этому авангарду. И с этой программой организация сумела не только сохранить, но и существенно расширить свое влияние.

Критическим моментом в пределах этого этапа стал финансовый обвал 2008 года, за которым последовала рецессия. Эти события свидетельствовали о том, что политэкономическая система вошла в стадию кризиса, реально угрожающего самому ее существованию. Однако новой политэкономической модели пока не просматривается: несмотря даже на предельно обострившиеся в последние годы международные конфликты, ни одна из влиятельных стран не демонстрирует готовности полностью разорвать с закрепившейся в 1990-е годы базовой экономической моделью. Тем не менее период с 2008 года по настоящее время оправданно рассматривать как отдельную фазу.

Для каждого из этих этапов был характерен свой тесно связанный с господствующей экономической моделью подход вначале к научно-технической, а затем к инновационной политике [Райнхардт, 2015а; Райнхардт, 2015b]. При этом каждый из таких подходов развивался в противоборстве с альтернативными идеями, а момент утверждения одного из подходов в качестве доминирующего, как правило, совпадал с выдвижением новых идей в оппозицию к устоявшимся. И, естественно, это противостояние не было чисто интеллектуальным — каждая из моделей продвигалась определенным альянсом, отстаивавшим свои коллективные интересы. Учитывая, что речь идет о развитии в международном политическом центре, связь идей с интересами оказывается не просто заметной, а буквально кристаллизованной в политических конфигурациях, определявших работу ОЭСР на каждом из этапов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. ОЕЭС и ОЭСР в эпоху роста: 1948—1973

Фоном учреждения Организации европейского экономического сотрудничества служил период высочайшего авторитета американской науки. Главной причиной были технические новшества Второй мировой войны, но дело не сводилось к ним: победа в войне, в которой американцы отводили себе главную роль, расценивалась как в том числе и экономическая победа, ставшая возможной благодаря переводу американской экономики на военные рельсы, который был осуществлен без перехода к социализму. Последний момент прямо ассоциировался с кейнсианской школой, которая исходила из того, что государству не следует брать на себя прямое управление экономикой, но оно может и должно регулировать ее общее состояние, изымая значительную часть средств в виде налогов и перераспределяя их

через бюджет. Собственно, именно такое понимание экономической роли государства и стало идейной основой исторического блока, консолидировавшего западные общества в послевоенный период.

Образование исторического блока всегда подразумевает выделение внутри объединяемых им классов привилегированных групп, которые получают главные преимущества. Со стороны капитала это были крупные предприниматели, представлявшие отрасли, которые активно сотрудничали с государством и обеспечили ему победу в «войне на истощение»: машиностроение, горнодобыча, нефтедобыча и др. Со стороны рабочего класса — занятые в этих отраслях работники, пользовавшиеся профсоюзной защитой. А со стороны интеллигенции в наиболее привилегированном положении оказались экономисты: именно в этот период университетское экономическое образование стало рассматриваться как наиболее подходящая подготовка для государственной службы. Собственно, с возросшим авторитетом экономистов было связано решение США сохранить ОЕЭС после фактического завершения плана Маршалла: ликвидация экономической организации, которая, как считалось, показала высокую эффективность, вполне могла восприниматься как разбазаривание ценного ресурса [Woodward, 2022].

В плане же научно-технической политики реорганизация ОЕЭС в ОЭСР пришлась на период, когда проблемы науки и техники вышли на первый план. Это было прямо связано с успехами Советского Союза, который в 1957 году успешно вывел на орбиту искусственный спутник. Запуск расценивался как демонстрация ракет, способных достигать орбиты с массой, вполне достаточной для атомного боезаряда, и вызвал предельно острую реакцию в западном мире, приведшую, в частности, к основательной реорганизации научно-технической политики. Этот фон сделал одним из главных подразделений ОЭСР Управление по научным вопросам, и именно его влиянию многие страны-члены обязаны появлению в своих правительствах ведомств, занимавшихся непосредственно организацией научной работы, — ранее наука чаще рассматривалась как одна из составляющих культурной политики [Godin, 2008].

Управление по научным вопросам продвигало так называемую линейную модель организации науки и техники, которая разбивала процесс создания новых технологий на три этапа: фундаментальные исследования — прикладные исследования — разработки с последующим внедрением в производство [Коннов, 2020]. В соответствии с кейнсианской логикой государству следовало компенсировать неготовность предпринимателей вкладываться в фундаментальные исследования, которые были для них слишком рискованными с точки зрения шансов получить искомый результат. С целью упорядочить организацию этого процесса научное управле-

ние ОЭСР уже в 1963 году издало методическое руководство «Измерение научно-технической деятельности» (известное по названию города, в котором состоялось его утверждение, как Руководство Фраскатти). В качестве главного инструмента научно-технической политики рассматривалось финансирование исследований и разработок, уровень и структура которых воспринимались как показатели, по которым можно было судить о состоятельности научно-технической политики той или иной страны.

При этом в собственных разработках Управление по вопросам науки предпочитало анализировать научную деятельность с точки зрения более приближенного к реальности системного подхода, в рамках которого научно-техническое развитие моделировалось не как поступательный процесс, а как многостороннее взаимодействие государственных исследовательских институтов, университетов, производственных предприятий и некоммерческих организаций [OECD, 1963]. Сеть связей, объединяющих эти сектора, характеризовалась как исследовательская система, регулирование которой, конечно, требовало более нюансированного подхода, чем просто наращивание государственных затрат.

3.2. ОЭСР в эпоху замедления: 1973—1990

Замедление экономического роста и последовавшие за этим финансовый и нефтяной кризисы 1970-х годов были явным признаком расшатывания системы производственных отношений и, соответственно, сложившейся на ее основе исторического блока. Неспособность справиться с кризисами серьезно подточила авторитет кейнсианства, обеспечившего идеологическое оформление этого блока, и это позволило выйти на первый план конкурирующим течениям.

В ОЭСР как одной из «точек сборки» политэкономических концепций, где они превращались из научных теорий в политические инструменты, это отразилось в том числе в оживлении деятельности Управления по вопросам науки. В 1970-е годы управление и его руководитель Александр Кинг сыграли ведущую роль в создании Римского клуба. Под эгидой клуба вышел известный доклад «Пределы роста», в котором ставился вопрос о пересмотре экономической логики, сделавшей рост главной политической целью, в то время как сопутствующие проблемы развития, экологические, демографические и иные, задвигались на второй план. В докладе демонстрировалось, что рост далеко не всегда может считаться однозначно положительным явлением, а наносимый им сопутствующий ущерб сопоставим с приносимыми им благами [Meadows et al., 1972].

Доклад отражал позицию той части научного сообщества, которую не устраивал привилегированный статус кейнсианской экономики, фактически занявшей место науки государственного управления. Кейнсианству,

когда-то сумевшему выйти вперед в противостоянии с теориями прямого управления экономикой, теперь вновь пришлось столкнуться со старыми противниками. В пользу сторонников управления также играли существенно возросшие возможности компьютерного моделирования, а значит, и управления экономическими процессами.

Эти идеи пользовались поддержкой крупной промышленности. Среди создателей Римского клуба ее интересы представлял Аурелио Печчеи, бизнес-консультант, тесно связанный с итальянскими корпорациями «Фиат» и «Оливетти». Печчеи был известен как инициатор создания Атлантической группы развития Латинской Америки, а также был ключевым участником подготовки проекта Волжского автозавода в СССР, созданном в сотрудничестве с «Фиат». Он выражал точку зрения промышленных кругов, которые считали, что последняя волна роста ожидается в странах, остающихся за пределами ОЭСР, но после нее человечеству в целом придется перейти к экономической модели, не предполагающей постоянного увеличения суммы доступных благ. Образец для организации такого общества они видели в крупных высокотехнологичных корпорациях, в большей мере ориентированных на устойчивость, чем на извлечение сверхприбылей. А противостоящий капиталистическому миру СССР они были склонны расценивать как аналог такой корпорации, сочетающий гигантский потенциал с низкой эффективностью, и сотрудничество с этой корпорацией представлялось им более привлекательной перспективой, чем навязчивое противостояние [Рессеи, 1981; Гвишиани, 2004].

Такой компромиссный взгляд также отвечал политическим интересам сообщества, которое представляли авторы доклада «Пределы роста» — ученые, продвигавшие системную методологию как способ решения общественных проблем. Эта методология, основанная на статистических закономерностях, в принципе была применима исключительно к масштабным задачам, и идея объединения человечества для решения глобальных проблем была по сути необходимым условием ее продвижения. И, конечно же, в случае если бы такое объединение состоялось, роль специалистов по системной методологии стала бы ключевой в аппарате, необходимом для нового — наднационального — уровня управления.

Однако в конкуренции победил другой проект, со временем получивший название *неолиберального*. Его главным проводником был, условно, военно-финансовый альянс. Общим направлением изменений стало смещение политических приоритетов на отрасли экономики, в которых сохранялась возможность извлекать сверхприбыли. На это претендовали в первую очередь инвестиционные банки, располагавшие избытком капитала, но ограниченные в спекулятивных операциях нормами, введенными в эпоху Великой де-

прессии. Капитал мирился с этими ограничениями, пока существовала возможность извлекать прибыль из мирового доминирования американского промышленного экспорта, однако к 1970-м годам потенциал послевоенного восстановления был исчерпан, к тому же усилилась конкуренция внутри капиталистического мира, в том числе между США и восстановившимися ФРГ и Японией. Другим способом обеспечить высокую отдачу от вложений была агрессивная экономическая экспансия, осуществляемая при прямой военной поддержке — моделью в данном случае служил военный переворот в Чили 1973 года [Edwards, 2023]. И в этом смысле на Западе намечается раскол между, с одной стороны, промышленным капиталом и его союзниками, готовыми адаптироваться к условиям минимального экономического роста, и финансовым капиталом, намеренным пробивать путь к высокоприбыльным рынкам, невзирая на последствия.

Политически намерение сохранить высокие нормы прибыли реализуется в выдвижении в лидеры ключевых западных стран Великобритании и США рыночников Тэтчер и Рейгана, в идейном же плане — в обострении соперничества в экономической науке между кейнсианцами и либеральными экономистами, такими как Фридрих Хайек и Милтон Фридман. И если главным аргументом кейнсианцев против поколения рыночников 1930-х годов (к которому относился и Хайек) была Великая депрессия, то в 1970-е годы в качестве главного доказательства провала кейнсианской модели используется развернувшаяся в западных странах стагфляция [Талагаева, 2023].

Исходно аппарат ОЭСР оказывается на проигрывающей стороне этого идейного столкновения, что отражается, в частности, в тлеющем конфликте с рейгановской администрацией [Gayon, 2017]. Но, конечно, организация, полностью зависимая от финансирования стран-членов, не могла оказать серьезного сопротивления изменению курса, и ОЭСР довольно быстро перестраивается в соответствии с новыми приоритетами экономической политики.

Научное управление ОЭСР (в 1975 году переименованное в Управление науки, технологий и промышленности) также находит способ встроиться в новую политическую повестку. В его разработках происходит смещение акцента с исследовательской стадии на меры по поддержке технологических изменений, которые рассматривались как поле предпринимательской деятельности. В качестве же главного объекта политики, разрабатываемой управлением, «исследовательские системы» заменяются на «инновационные системы».

Инновации закрепляются в обороте ОЭСР в значении, которое приписывал им экономист Йозеф Шумпетер. По Шумпетеру, инновации — это главная задача предпринимателей, суть которой в том, чтобы изменить су-

существующую систему рынков, естественно, таким образом, чтобы извлечь прибыль. При этом он подчеркивал, что, хотя в основе инноваций и могут лежать какие-то изобретения, это не основной способ их осуществления [Schumpeter, 1984]. Следуя этому видению, научное управление ОЭСР берет на себя роль поборника интересов предпринимателей. Главной политической задачей становится обеспечение необходимой для предпринимательства инфраструктуры, включая доступность фундаментального научного знания. Эта инфраструктура описывается как «национальная инновационная система» — понятие, ставшее центральным в разработках управления в 1990-е [OECD, 1997b] и начале 2000-х годов [OECD, 2002].

3.3. Инновационная политика в ОЭСР

Завершение холодной войны распадом Советского Союза было воспринято на Западе как подтверждение состоятельности неолиберальной политики. И исторический блок, продвигавший это видение на протяжении 1980-х годов [Pass, 2019], фактически получает карт-бланш на реализацию своего мировоззрения теперь уже в мировом масштабе. Однако, как следует из грамшианской теории, устойчивость блока требует периодических реорганизаций, которые приводят его в соответствие с меняющимися условиями. И уже в начале 1990-х годов происходит раскол финансовой и военной составляющих «рейгановской» элиты: в мире, в котором у США и НАТО не осталось ни одного сопоставимого военного соперника, статус военных падает, что отражается, в частности, в том, что президент Джордж Буш, заслуженный участник холодной войны, на счету которого к тому же была считавшаяся блестящей иракская военная операция 1990 года, проигрывает выборы молодому политику Биллу Клинтону, поддержанному финансовым капиталом, но не связанному с военно-промышленным комплексом. И именно при Клинтоне складывается новая идеология, претендующая на формирование устойчивого исторического блока, — это программа «третьего пути», представляющая собой смесь социал-демократических и рыночных ценностей. Финансовому капиталу эта программа обеспечивала сокращение числа ограничений на движение средств и расширение возможностей спекулятивных операций. Работники же капиталистических стран в качестве компенсации за утрату стабильности, сопутствующую расширению свободы движения капитала, получали бурно развивающуюся сферу потребления, дешевые кредиты и доступ к зарубежным товарам и рынкам с привилегированных позиций. В роли же исключенных из исторического блока оказывались все группы, связанные с производственными отраслями экономики, которые столкнулись с усилением глобальной конкуренцией. Упрощая картину, раскол можно изобразить как прошедший между производственным сектором и сектором услуг:

его логика была в том, что в новых условиях выигрывают максимально мобильные отрасли с минимальными капитальными затратами, как, например, финансовые услуги, и проигрывают те, которые наиболее прочно привязаны к территории и требуют наибольших вложений в основные средства, как, в частности, машиностроение.

Одновременно в 1990-е годы более резким стало разделение между странами капитала и странами труда [Коуп, 2022]. Первые изымали свою долю из реализации мирового продукта, в первую очередь, благодаря инвестициям, вторые — благодаря труду своих граждан. Собственно, первую группу и составляли страны ОЭСР, они же страны «глобального Севера», а вторую — страны «глобального Юга». Но соотношение между ними начало быстро меняться. Капитал перемещался туда, где сохранялись возможности эксплуатации, и, ожидаемо, страны Севера предпринимали усилия для сохранения своего преимущественного положения. Это стремление отражается уже в самом представлении об инвестициях как не только материальном, но и интеллектуальном вложении в виде технологий, участия уникальных специалистов и т. д. И по мере того, как преимущество Запада в капитале постепенно нивелировалось (тенденция, особенно заметная на примере Китая, уже в 2000-е годы превратившегося в главного мирового кредитора), интеллектуальный аспект западного участия акцентировался все сильнее. Защита преимуществ западного капитала выстраивалась прежде всего в форме исключительных прав, мировой режим охраны которых был существенно усилен Соглашением о торговых аспектах интеллектуальной собственности 1994 года, включенным в перечень обязательных документов ВТО. Но, несмотря на усиление, интеллектуальная собственность оставалась механизмом с ограниченным сроком действия, и для сохранения преимуществ требовалось постоянное пополнение «запаса» исключительных прав. Собственно, именно этот момент и должна была обеспечить инновационная политика.

При этом укрепление положения за счет «технологических инноваций», на которые делалась ставка в начале 1990-х годов, требовало значительных затрат, и к тому же шансы на появление таких инноваций снижались по мере сокращения промышленного потенциала. В то же время быстро растущий сектор услуг, который включал в себя всевозможные виды консультирования — технического, финансового, экономического и др. (образование, медицину и другие интеллектуальные отрасли), казалось, вполне был способен обеспечить приток новых решений, которые могли бы сохранить за странами ОЭСР конкурентное преимущество. И если первая версия Рекомендаций по сбору и анализу данных по технологическим инновациям — документ, известный по городу, где он был принят, как Ру-

ководство Осло [OECD, 1992], — была нацелена именно на технологии, то уже во второй редакции, подготовленной в 1997 году, прямо указывается, что «предыдущая редакция настоящего руководства затрагивала только инновации в промышленности», однако «с тех пор фокус с точки зрения занятости и производительности сместился на сферу услуг» [OECD, 1997а, р. 29]. В связи с этим намечается главная проблема, требующая решения: «Инновации в сфере услуг часто нематериальны по своей природе, и вследствие этого им сложно обеспечить защиту» [OECD, 1997а, р. 29]. Частичное решение заключается в том, что, хотя руководство и ограничивает круг инноваций технологиями, но распространяет свое действие на сектор «продаваемых услуг» [OECD, 1997а, р. 30]. И в нем намечается круг отраслей, которые представляют наибольший интерес с точки зрения защиты осуществляемых в них инноваций: это, в первую очередь, производители программного обеспечения, которые характеризуются «возрастающим значением в большинстве инноваций, заявляемых как созданные промышленностью» [OECD, 1997а, р. 30]. А в качестве отраслей, которые «напрямую не связаны с товарным оборотом», но при этом «выступают проводниками социальных и технологических изменений», специально упоминаются «коммуникации, финансы, страхование и недвижимость, индустрия развлечений и обслуживание бизнеса» [OECD, 1997а, р. 30].

Помимо этого, хотя руководство и исключает организационные инновации как класс из сферы своего действия, в нем, тем не менее, обозначены основные признаки организационных изменений, которые можно рассматривать в качестве инновационных. К ним относятся «внедрение существенно измененных организационных структур; внедрение передовых менеджерских техник; внедрение новых или существенно измененных стратегических ориентиров компании» при условии, что «имеет место измеряемое изменение объема выпуска, как, например, рост производительности или продаж» [OECD, 1997а, р. 36—37].

Если редакция 1997 года только намечала перемену в соотношении технологических и организационных инноваций, то в третьей редакции руководства, вышедшей в 2005 году, состоялся очевидный пересмотр в пользу последних. Эта редакция освобождает понятие инновации от определения *технологические* и намеренно «раздвигает рамки измерения инноваций»: «Во-первых, большее внимание уделяется роли в инновационном процессе взаимосвязей между фирмами и другими организациями. Во-вторых, признается важность инноваций в менее наукоемких секторах, таких как услуги и низкотехнологичные производства... В-третьих, определение инновации расширено путем включения двух дополнительных типов инноваций — организационных и маркетинговых» [ОЭСР, 2006, с. 14].

Фактически такие изменения отражают перемещение главной ставки стран ОЭСР с превосходства в технологическом производстве на все больше отрывающееся от производственной базы научно-техническое превосходство. Такое расширенное понятие инноваций соответствует продвигаемой в это время в ОЭСР концепции «экономики, основанной на знании», которая обосновывает возможность решить проблему убывания прибыли на капитал за счет притока нового знания [OECD, 1996]. В отличие от теории национальных инновационных систем, внимание которой было сосредоточено на уровне инновационной фирмы, осуществляющей технологические инновации, экономика знаний рассматривала инновационный процесс в макромасштабе — как приток знания в экономику, обеспечивающий ее постоянный рост [O'Donnovan, 2022]. И расширенное понятие инновации лучше вписывалось в такую модель.

Если же смотреть на эти изменения с точки зрения динамики в историческом блоке, интересы которого выражала ОЭСР, то в этот период влияние в нем все больше смещается в сторону электронного сектора, а внутри этого сектора — в пользу специалистов, ведущих разработки — главным образом программного обеспечения, а также консультативных и маркетинговых подразделений. Именно на первую половину 2000-х годов приходится, в частности, продажа корпорацией «IBM» своего производства персональных компьютеров китайской компании «Lenovo», а также концентрация производства «Apple» на предприятиях «Foxconn», расположенных в Китае. Логика сокращения издержек, заставляющая выводить производство из развитых стран, влекла за собой постепенную утрату технологического превосходства, что, естественно, вызывало стремление обеспечить защиту преимуществ, которые еще оставались за странами ОЭСР. В качестве такового воспринималась мощная «база знаний»: если в 2000-е годы производство перетекало из развитых в развивающиеся страны, то поток научных кадров и студентов определенно двигался в обратном направлении. И «база знаний» рассматривалась не только как научно-исследовательская: в таких отраслях, как международное частное право, маркетинг, связи с общественностью, и в целом ряде других преобладающим влиянием в мире все так же пользовались западные консультанты.

Соответственно, в руководстве Осло речь идет именно о стремлении поддержать и защитить эти преимущества: «Влияние на инновационную активность оказывает также способность предприятий использовать ее результаты для получения выгоды. Если, скажем, предприятия не в состоянии защитить свои инновации от копирования конкурентами, у них будет меньше стимулов заниматься ими» [ОЭСР, 2006, с. 25].

При этом если технологическое превосходство было связано в первую очередь с производственными корпорациями, то преимущества в области

знаний — с наукой и образованием, функционировавшими главным образом на некоммерческой основе. И в руководстве признается, что «инновации могут происходить в любом секторе экономики, включая государственные службы, такие как здравоохранение или образование» [ОЭСР, 2006, с. 20]. Хотя сами по себе такие инновации исключаются из сферы применения руководства, в качестве составной части инновационной деятельности коммерческих предприятий признается установление связей с исследовательскими учреждениями. Главным образом таких связей, конечно, служит опыт электронного сектора, сложившегося в прямом взаимодействии с американскими университетами — за счет их разработок и благодаря созданной в них сильной школе программирования.

Перелом в воззрениях относительно роли некоммерческого сектора состоялся в последней редакции Руководства Осло, появившейся в 2018 году. В этой редакции прямо заявляется, что инновации могут иметь место в любом из секторов экономики — коммерческом, государственном и некоммерческом. При этом организационные и маркетинговые инновации более не рассматриваются как особые категории, а принимаются как равнозначные с технологическими «процессные» инновации. Акцент же в описании инновационного процесса делается именно на установлении связей между различными секторами. В результате существенно меняется понимание того, что учитывается как основная составляющая инновационного процесса. Если «процессные» инновации, включающие теперь структурные реорганизации и маркетинг, рассматриваются наравне с технологическими производственными инновациями, то понятно, что первые, требующие, как правило, значительно меньших затрат, чем последние, начнут доминировать в общем объеме инновационной деятельности, в результате чего изменится само общественное понимание того, что такое инновация. И если исходно ее прообразом служило техническое усовершенствование, то теперь этот образец уступает место маркетинговым и организационным решениям, которые в избытке готовы поставлять западные консультанты, причем не только коммерческие: продвигаемые некоммерческими фондами и институтами «демократизация», «социальная справедливость» и «разнообразие», которым приписываются в том числе способность повышать эффективность работы предприятий (под лозунгами «сила в разнообразии» и т. п.), в принципе, также подпадают под понятие инноваций.

Особое место в последней редакции занимает «цифровизация», которая к этому моменту выделена в качестве особого направления политических разработок ОЭСР [Carroll et. al., 2021]. В 2015 году параллельно с периодическим изданием «Перспективы науки, технологий и инноваций» научное управление ОЭСР начинает издавать «Перспективы цифровой экономики»

[OECD, 2015], что подчеркивает особое место цифровизации в инновационной политике, продвигаемой ОЭСР. А в 2017 году организация дает старт Инициативе «Цифровой переход» с целью «помочь политикам достичь лучшего понимания происходящей в настоящее время цифровой трансформации и разработать инструменты для создания политической среды, способной сделать возможным процветание экономик и обществ в мире, развитие которого все в большей степени определяется цифровыми технологиями и информацией» [OECD, 2017, р. 5]. Такое фокусирование интереса — от инноваций в целом к цифровой трансформации — похоже на закольцовывание цикла, который начался в 1990-е годы с продвижения широкой инновационной политики, предполагавшейся как расширенное применение образца электронного сектора, а теперь, в свете неспособности большинства других отраслей повторить этот опыт (наиболее успешными в этом были биотехнологии, однако и в этом случае успех был менее масштабен и в значительной степени зависел от государственного субсидирования [Mirowski, 2011]), инновационная политика сосредотачивалась на поддержке работы непосредственно самой образцовой отрасли.

Соответственно, вышедшая на этом фоне редакция Руководства Осло содержит специальный раздел «Цифровизация и инновации», в котором в качестве примеров цифровых инноваций упоминаются «инновации в деловых моделях, основанных на информации», «действия по разработке данных, а также программного обеспечения», внедрение «компетенций управления данными», «анализ потоков знания», работа с «точками зрения общества и потребителей» с использованием «цифровых платформ» [OECD, 2018, р. 38]. Раздел очевидно работает на расширение понимания цифровых инноваций за пределы внедрения нового программного обеспечения: фактически инновационным теперь может считаться любой шаг, расширяющий использование цифровых инструментов. Такое расширение явно работает в интересах гигантов электронного сектора, которые имеют возможность извлекать прибыль одновременно и из использования доступных им массивов пользовательских данных, и из продажи аналитических инструментов.

Изменения, представленные в редакции 2018 года, четко соответствуют конфигурации исторического блока, сложившегося к концу 2010-х годов. Финансовый капитал, составляющий его основную экономическую базу, испытывает все больше сложностей в поиске возможностей получения прибыли, и главной отраслью из тех, которые представляются способными приносить высокий доход, остается электронная. К этому моменту она уже приобрела характер конгломерата монополистов, известного как «Big tech» [Данилин, 2020]. Способность этого конгломерата расти напрямую зависит от глобальной культурной гегемонии США, в свою очередь

производной от их политического и экономического влияния. Это служит сближению электронных монополистов с правительственными структурами, а также их активному участию в секторе неправительственных политических организаций. Вместе эти группы составляют исторический блок, главный интерес которого — в расширении поля транснациональных транзакций, которое обеспечивает возможность высоких прибылей. Важное изменение по сравнению с предшествовавшим «неолиберальным» составом блока — в существенном усилении бюрократической составляющей. В определенном смысле это преобразование можно расценить как реванш бюрократии за сокращение их влияния в период разворачивания глобализации. Пережив вынужденный перевод в квазикommerческий формат — в правительственных ведомствах от «гражданской службы» к «оказанию услуг» и «обеспечения инфраструктуры», а в вузах — от «башни слоновой кости» к «оказанию образовательных услуг», — образованная бюрократия постепенно вернула утраченное влияние. В 2010-е годы дискурсы «социальной справедливости», «мультикультурализма», «зеленого перехода» и др., продвигаемые преимущественно административным путем, явно потеснили в западных странах дискурс «свободного рынка» и «высвобождения предпринимательской инициативы».

4. Заключение = Conclusions

Если сопоставить политэкономический анализ инновационной политики с исследованиями в рамках направления «экономика инноваций», то становится очевидным, что они дают предельно разное восприятие этой категории. Но при этом между ними сложно найти прямые противоречия: экономика инноваций не отрицает, что инновационная политика отражает определенные интересы, она просто не придает этому моменту определяющего значения. Инновации рассматриваются здесь в рамках моделей, которые в принципе не предусматривают групповые интересы: в духе современной математизированной экономической науки они анализируют инновационную политику либо на уровне отдельной фирмы, извлекающей прибыль из регулируемой этой политикой инновационной деятельности, либо на уровне общества в целом, и в таком случае оценивается общественная польза, обеспечиваемая теми или иными политическими мерами. Применение такого подхода к инновационной политике подразумевает ее обоснование или же критику, но не изучение ее формирования в реальном политическом процессе, который представляет собой именно продвижение и балансировку различных групповых интересов. И в этом смысле политэкономический анализ акцентирует этот фактически выпадающий из внимания экономической науки контекст. Данный момент вдвойне важен, учитывая, что инновационная

политика относится к тем направлениям политической деятельности, основы которых в значительной мере формируются на международном уровне, где групповые интересы — это интересы транснациональных классов и групп стран. Буквальный перенос выработанных на этом уровне решений в национальную политику фактически приводит к имплантированию этих интересов во внутригосударственный процесс. Это не обязательно означает, что речь идет о внедрении враждебных интересов: они вполне могут совпадать с интересами национальных групп или же сочетаться с ними в рамках достигнутых компромиссов. Однако необходимо отдавать себе отчет, что эти привнесенные извне модели никогда не бывают нейтральными, они всегда отражают какие-то интересы. И, как показывает политэкономический анализ даже самых тщательно подготовленных официальных документов, полностью исключить следы этих интересов практически невозможно.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. *Руководство* Осло : рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. — Москва : ЦИХ, 2006. — 192 с. — ISBN 5-7602-0173-5.
2. *Dynamising National Innovation Systems*. — Paris : OECD, 2002. — 100 p. — ISBN 9264194460.
3. *Going Digital: Making the Transformation Work for Growth and Well-Being*. — Paris : OECD, 2017. — 30 p.
4. *National Innovation Systems*. — Paris : OECD, 1997b. — 48 p.
5. *OECD Digital Economy Outlook 2015*. — Paris : OECD, 2015. — 284 p. — ISBN 9264232273.
6. *Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation*, 4th Edition. — Paris : OECD, 2018. — 256 p. — ISBN 9789264304550.
7. *Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data: Oslo Manual*. — Paris : OECD, 1992. — 62 p.
8. *Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data : Oslo Manual*. — Paris : OECD, 1997a. — 93 p. — ISBN 9789264192263.
9. *Science Economic Growth and Government Policy*. — Paris : OECD, 1963. — 66 p.
10. *The Knowledge-Based Economy*. — Paris : OECD, 1996. — 45 p.
11. *The Limits to Growth* / D. H. Meadows, D. L. Meadows, J. Randers, W. Behrens. — New York : Universe Books, 1972. — 205 p. — ISBN 0-87663-165-0.

Литература

1. *Афонцев С. А.* Политические рынки и экономическая политика / С. А. Афонцев. — Москва : КомКнига, 2010. — 384 с. — ISBN 978-5-484-01207-7.

2. *Гвишиани Дж. М.* Мосты в будущее / Дж. М. Гвишиани. — Москва : URSS, 2004. — 372 с. — ISBN 5-354-00239-7.
3. *Грамиш А.* Тюремные тетради / А. Грамиш. — Москва : Издательство политической литературы, 1991. — Часть 1. — 560 с. — ISBN 5-250-00897-6.
4. *Данилин И. В.* Инновационная трансформация крупнейших интернет-платформ: тренды и влияние на национальные инновационные системы / И. В. Данилин // Международные процессы. — 2020. — № 4. — С. 127—142. — DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.2.
5. *Коннов В. И.* Программы научной политики: парадигмальный анализ / В. И. Коннов // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 1. — С. 9—21. — DOI: 10.17976/jpps/2020.01.02.
6. *Коуп З.* Разделенный мир, разделенный класс / З. Коуп. — Москва : Based Press, 2022. — 544 с. — ISBN 978-999999-1-47-6.
7. *Райнхардт Р. О.* «Система Италии» как пример инновационной экономической дипломатии / Р. О. Райнхардт // Вестник МГИМО-Университета. — 2015. — № 6. — С. 165—173.
8. *Райнхардт Р. О.* Эволюция понятия «экономическая дипломатия» в российских научных трудах / Р. О. Райнхардт // Право и управление. XXI век. — 2015. — № 1. — С. 104—109.
9. *Талагаева Д. А.* Развития представлений о рациональности в истории экономических учений XIX—XXI вв. / Д. А. Талагаева // Вестник Брянского государственного университета. — 2022. — № 1. — С. 249—264. — DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-249-264.
10. *Carroll P.* The OECD. A Study of Organisational Adaptation / P. Carroll, F. Kellow. — Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2011. — 320 p. — ISBN 9781845429546.
11. *Carroll P.* The OECD: A Decade of Transformation: 2011—2021 / P. Carroll, F. Kellow. — Berlin : De Gruyter, 2021. — 120 p. — ISBN 9783110739312.
12. *Clifton J.* The OECD and phases in the international political economy, 1961—2011 / J. Clifton // Review of International Political Economy. — 2011. — No. 5. — Pp. 552—569. — DOI: 10.1080/09692290.2011.620464.
13. *Cox R.* The ‘British School’ in the Global Context / R. Cox // New Political Economy. — 2009. — Issue 3. — Pp. 315—328.
14. *Edwards S.* The Chile Project / S. Edwards. — Princeton : Princeton University Press, 2023. — 376 p.
15. *Gayon V.* Debating International Keynesianism: The Sense of the Acceptable and the Neoliberal Turn at the OECD / V. Gayon // Annales HSS (English Edition). — 2019. — No. 1. — Pp. 113—156. — DOI: 10.1017/ahsse.2018.21.
16. *Godin B.* Measurement and Statistics on Science and Technology 1920 to the present / B. Godin. — New York : Routledge, 2005. — 360 p.
17. *Godin B.* National Innovation System: The System Approach in Historical Perspective / B. Godin // Science, Technology, and Human Values. — 2009b. — No. 4. — Pp. 476—501.
18. *Godin B.* The information economy: the history of a concept through its measurement, 1949—2005 / B. Godin // History and Technology. — 2008. — Issue 3. — Pp. 255—287.
19. *Godin B.* The Making of Science, Technology and Innovation Policy: Conceptual Frameworks as Narratives, 1945—2005 / B. Godin. — Montreal : Centre Urbanisation Culture Société Institut national de la recherche scientifique, 2009a. — 212 p.
20. *Henriques L.* Policy-making in science policy: The ‘OECD model’ unveiled / L. Henriques, P. Laredo // Research Policy. — 2013. — Issue 3. — Pp. 801—816.

21. *Mechanisms of OECD Governance* / K. Martens, A. Jakobi (eds.). — Oxford : Oxford University Press, 2010. — 292 p.
22. *Mirowski P. The Science-Mart: Privatizing American Science* / P. Mirowski. — Cambridge : Harvard University Press, 2011. — 464 p.
23. *O'Donovan N. Pursuing the Knowledge Economy* / N. O'Donovan. — Newcastle : Agenda Publishing, 2022. — 232 p.
24. *Pass J. American Hegemony in the 21st Century: A Neo Neo-Gramscian Perspective* / J. Pass. — New York : Routledge, 2019. — 266 p.
25. *Peccei A. One Hundred Pages for the Future: Reflections of the President of the Club of Rome* / A. Peccei. — New York : Pergamon Press, 1981. — 191 p.
26. *Porter T. The Role of the OECD in the Orchestration of Global Knowledge Networks* / T. Porter, M. Webb // *The OECD and Transnational Governance*. — Vancouver : UBC Press, 2008. — Pp. 43—59.
27. *Savaget P. Plurality in Understandings of Innovation, Sociotechnical Progress and Sustainable Development: An analysis of OECD Expert Narratives* / P. Savaget, L. Acero // *Public Understanding of Science*. — 2017. — No. 5. — Pp. 611—628. — DOI: 10.1177/0963662517695056.
28. *Schmelzer M. The Hegemony of Growth: The OECD and the Making of the Economic Growth Paradigm* / M. Schmelzer. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — 396 p.
29. *Schumpeter J. The Theory of Economic Development* / J. Schumpeter. — New Brunswick : Transaction Publishers, 1983. — 320 p.
30. *The innovation-growth link in OECD countries: Could other macroeconomic variables matter?* / R. Pradhan, M. Arvin, S. Bahmani, S. Bennett // *Technology in Society*. — 2017. — Vol. 51. — Pp. 113—123. — DOI: 10.1016/j.techsoc.2017.08.003.
31. *The OECD and the International Political Economy Since 1948* / M. Leimgruber, M. Schmelzer. (eds.). — Cham : Palgrave, Macmillan, 2017. — 363 p.
32. *The OECD and Transnational Governance* / R. Mahon, S. McBride (eds.). — Vancouver : UBC Press, 2008. — 324 p.
33. *Woodward R. The Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)* / R. Woodward. — New York : Routledge, 2022. — 176 p.

*Статья поступила в редакцию 13.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.*

Material resources

Dynamising National Innovation Systems. (2002). Paris: OECD. 100 p. ISBN 9264194460.

Going Digital: Making the Transformation Work for Growth and Well-Being. (2017). Paris: OECD. 30 p.

Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J., Behrens, W. (1972). *The Limits to Growth*. New York: Universe Books. 205 p. ISBN 0-87663-165-0.

National Innovation Systems. (1997b). Paris: OECD. 48 p.

OECD Digital Economy Outlook 2015. (2015). Paris: OECD. 284 p. ISBN 9264232273.

Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. (2018). Paris: OECD. 256 p. ISBN 9789264304550.

Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data: Oslo Manual. (1992). Paris: OECD. 62 p.

Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data: Oslo Manual. (1997a). Paris: OECD. 93 p. ISBN 9789264192263.

Science Economic Growth and Government Policy. (1963). Paris: OECD. 66 p.

The Knowledge-Based Economy. (1996). Paris: OECD. 45 p.

The Oslo Manual: guidelines for collecting and analyzing innovation data. (2006). Moscow: CISN. 192 p. ISBN 5-7602-0173-5. (In Russ.).

References

Afontsev, S. A. (2010). *Political markets and economic policy.* Moscow: KomKniga. 384 p. ISBN 978-5-484-01207-7. (In Russ.).

Carroll, P., Kellow, A. (2011). *The OECD. A Study of Organisational Adaptation.* Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 320 p. ISBN 9781845429546.

Carroll, P., Kellow, A. (2021). *The OECD: A Decade of Transformation: 2011—2021.* Berlin: De Gruyter. 120 p. ISBN 9783110739312.

Clifton, J., Diaz-Fuentes, D. (2011). The OECD and phases in the international political economy, 1961—2011. *Review of International Political Economy*, 5: 552—569. DOI: 10.1080/09692290.2011.620464.

Cope, Z. (2022). *Divided world, divided class.* Moscow: Based Press. 544 p. ISBN 978-999999-1-47-6. (In Russ.).

Cox, R. (2009). The 'British School' in the Global Context. *New Political Economy*, 3: 315—328.

Danilin, I.V. (2020). Innovative transformation of the largest Internet platforms: trends and influence on national innovation systems. *International processes*, 4: 127—142. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.2. (In Russ.).

Edwards, S. (2023). *The Chile Project.* Princeton: Princeton University Press. 376 p.

Gayon, V. (2019). Debating International Keynesianism: The Sense of the Acceptable and the Neoliberal Turn at the OECD. *Annales HSS (English Edition)*, 1: 113—156. DOI: 10.1017/ahsse.2018.21.

Godin, B. (2005). *Measurement and Statistics on Science and Technology 1920 to the present.* New York: Routledge. 360 p.

Godin, B. (2008). The information economy: the history of a concept through its measurement, 1949—2005. *History and Technology*, 3: 255—287.

Godin, B. (2009a). *The Making of Science, Technology and Innovation Policy: Conceptual Frameworks as Narratives, 1945—2005.* Montreal: Centre Urbanisation Culture Société Institut national de la recherche scientifique. 212 p.

Godin, B. (2009b). National Innovation System: The System Approach in Historical Perspective. *Science, Technology, and Human Values*, 4: 476—501.

Gramsci, A. (1991). *Prison notebooks*, 1 Moscow: Publishing House of Political Literature. 560 p. ISBN 5-250-00897-6. (In Russ.).

Gvishiani, J. M. (2004). *Bridges to the future.* Moscow: URSS. 372 p. ISBN 5-354-00239-7. (In Russ.).

Henriques, L., Laredo, P. (2013). Policy-making in science policy: The 'OECD model' unveiled. *Research Policy*, 3: 801—816.

Konnov, V. I. (2020). Scientific policy programs: paradigmatic analysis. *Polis. Political studies*, 16: 9—21. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.02. (In Russ.).

Leimgruber, M., Schmelzer, M. (eds.). (2017). *The OECD and the International Political Economy Since 1948.* Cham: Palgrave, Macmillan. 363 p.

- Mahon, R., McBride, S. (eds.). (2008). *The OECD and Transnational Governance*. Vancouver: UBC Press. 324 p.
- Martens, K., Jakobi, A. (eds.). (2010). *Mechanisms of OECD Governance*. Oxford: Oxford University Press. 292 p.
- Mirowski, P. (2011). *The Science-Mart: Privatizing American Science*. Cambridge: Harvard University Press. 464 p.
- O'Donovan, N. (2022). *Pursuing the Knowledge Economy*. Newcastle: Agenda Publishing. 232 p.
- Pass, J. (2019.). *American Hegemony in the 21st Century: A Neo Neo-Gramscian Perspective*. New York: Routledge 266 p.
- Peccei, A. (1981). *One Hundred Pages for the Future: Reflections of the President of the Club of Rome*. New York: Pergamon Press. 191 p.
- Porter, T., Webb, M. (2008). The Role of the OECD in the Orchestration of Global Knowledge Networks. In: *The OECD and Transnational Governance*. Vancouver: UBC Press. 43—59.
- Pradhan, R., Arvin, M., Bahmani, S., Bennett, S. (2017). The innovation-growth link in OECD countries: Could other macroeconomic variables matter? *Technology in Society*, 51: 113—123. DOI: 10.1016/j.techsoc.2017.08.003.
- Reinhardt, R. O. (2015). Evolution of the concept of “economic diplomacy” in Russian scientific works. *Law and Management. XXI Century*, 1: 104—109. (In Russ.).
- Reinhardt, R. O. (2015.). “Sistema Italy” as an example of innovative economic diplomacy. *Bulletin of MGIMO-University*, 6: 165—173. (In Russ.).
- Savaget, P., Acero, L. (2017). Plurality in Understandings of Innovation, Sociotechnical Progress and Sustainable Development: An analysis of OECD Expert Narratives. *Public Understanding of Science*, 5: 611—628. DOI: 10.1177/0963662517695056.
- Schmelzer, M. (2016). *The Hegemony of Growth: The OECD and the Making of the Economic Growth Paradigm*. Cambridge: Cambridge University Press. 396 p.
- Schumpeter, J. (1983). *The Theory of Economic Development*. New Brunswick: Transaction Publishers. 320 p.
- Talagaeva, D. A. (2022). Development of ideas about rationality in the history of economic doctrines of the 19th—21st centuries. *Bulletin of Bryansk State University*, 1: 249—264. DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-01-249-264. (In Russ.).
- Woodward, R. (2022). *The Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD)*. New York: Routledge. 176 p.

*The article was submitted 13.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*